

МАРУСЯ
КЛИМОВА

**ГОСПИТАЛЬ
ДЛЯ НЕУДАВШИХСЯ
ПОЭТОВ**

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ ЛИТЕРАТУРНОГО МИРА

Издательство АСТ
Москва

Глава I

Смертельная опасность кухонных губок

Несколько раз вчера перечитала в Википедии статью про Хайдеггера в связи с его юбилеем... И ничего не поняла.

Ночью на небе, особенно в августе, можно разглядеть огненные следы от падения комет. И в жизни, стоит только закрыть глаза и погрузиться в темноту, чтобы не отвлекаться на дома, деревья, машины и солнечный свет, а просто мысленно сосредоточиться на каком-нибудь вызывающем сильные разногласия объекте дискуссий, как сразу же отчётливо осознаёшь, что самого его, скорее всего, никогда не было, а есть только множество ярких и не очень вспышек вокруг, оставленных теми, кто пытался доказать или же опровергнуть его существование. Мало того, все они при желании вполне могут быть обозначены на специальном чертеже наподобие астрономической звёздной карты при помощи направленных вверх и вниз векторов и даже измерены по степени интенсивности. Из-за чего, видимо, самые сомнительные события прошлого вроде предположения, будто человечество берёт своё начало от вылепленного из глины субъекта, с годами начинают казаться всё более реальными и убедительными, тогда как всё очевидное, напротив, отступает на задний план и как бы растворяется в небытии.

Поэтому я в любых сложных ситуациях обращаю внимание исключительно на намерение поспособствовать или же, наоборот, помешать осуществлению моих планов. Один только этот душевный порыв, я считаю, и представляет интерес, так как только он по-настоящему реален и может быть объективно зафиксирован, а никак не аргументы или же факты, на какие обычно ссылаются люди для обоснования своей точки зрения. Тем более, что и сами мои замыслы — это тоже всего лишь вспышка в пустоте, некий вектор вверх в окружении множества устремлённых вниз.

Смертельная опасность кухонных губок... Каждый день узнаешь что-то новое о напряжённой и полной риска жизни домохозяек. А про таких, как я, почти никто не пишет. Неудивительно, что моя мамаша относится к моим произведениям с полнейшим пренебрежением, как к чему-то абсолютно никому не нужному и бессмысленному. Не сравнить с тем, чем всегда занималась она.

Я привыкла считать мышей чрезвычайно умными, причём этот факт всегда казался мне абсолютно для всех очевидным, многократно проверенным на практике, и поэтому не нуждающимся в каких-либо дополнительных доказательствах. Слышишь слово «мышь», и сразу у тебя в мозгу возникает образ маленькой юркой интеллектуалки, способной с лёгкостью преодолевать любые природные катаклизмы и глобальные катастрофы, включая губительную для неповоротливых и заторможенных людей ядерную войну. Однако продавщица в зоомагазине сегодня заявила мне, что мышей просто часто путают с крысами, хотя до тех в плане сообразительности им, на самом деле, очень и очень далеко. Чтобы избавиться от мышей, в частности, достаточно подложить им всего несколько отравленных конфеток за сто рублей, тогда как с крысами такой номер не пройдёт... И тут я вдруг впервые отчётливо осознала, что единственным авторитетным источником, на какой я могла бы реально сослаться в подтверждение своей точки зрения, является «Майн кампф»¹, где Гитлер восторженно отзывался о мышах, за которыми ему довелось довольно долго наблюдать во время пребывания в тюремной камере. И всё. Больше никакой серьёзной литературы я по данному вопросу не читала.

Разумеется, такой аргумент, каким бы убедительным он мне ни казался, я привести не стала. Где гарантия, что у продавщицы или же находящихся поблизости в зале магазина покупателей не оказалось бы переживших блокаду родственников, например? Несложно представить, во что тогда могла перерасти наша безобидная дискуссия о грызунах. Поэтому я предпочла формально отступить, сохранив в глубине души убеждение в собственной правоте. Последовала примеру Кутузова, можно сказать, который когда-то сдал Москву ради грядущей победы. Пусть и эти жалкие людишки, не знакомые с Шопенгауэром и Ницше, продолжают считать крыс умнее мышей и подаются своими отравленными конфетами!

¹ Книга А. Гитлера «Майн Кампф» (Моя борьба) внесена в список экстремистских материалов решением Кировского районного суда г. Уфы.

Когда человек выпьет стакан серной кислоты, допустим, и не заметит, то это будет выглядеть в высшей степени странно и удивительно, можно даже назвать такой случай чудом. Если же кому-нибудь предложить бутылку редкого вина столетней выдержки, например, и он не почувствует никакого удовлетворения, а скажет, что ему доводилось пробовать гораздо более сладкие и приятные напитки, купленные в соседнем гастрономе, тогда ничего экстраординарного, в сущности, не произойдёт. И о каком бы гениальном и новаторском произведении искусства ни шла речь, любой индивид, заявивший, что не видит в нём ничего особенного, по большому счёту тоже будет прав. Каких-либо серьёзных аргументов, способных опровергнуть или даже поставить под сомнение высказанное им мнение, в этом мире не существует. Наоборот, подобная реакция кажется мне в высшей степени понятной и предсказуемой, поскольку картины просто висят на стенах, а книги представляют собой собранные под одним переплётом стопки заполненных словами листов бумаги, которые не кусаются и никого не бьют током. Чудом в данной ситуации скорее является то, что на них вообще кто-то обращает внимание.

Пасмурное небо, туман, дым, забрызганный грязью асфальт, гранитные набережные, землистые лица прохожих в пыльных пальто, покрытые копотью стены, свинцовая Нева... Даже странно, что произведение «Пятьдесят оттенков серого» было написано не здесь, а посвящено непонятно чему. В ноябре я уже несколько раз ловила себя на такой мысли.

В следующем месяце, судя по прогнозам, погода будет примерно такой же. Но всё равно декабрь — самый романтичный месяц в Петербурге, пробуждающий во мне совсем другие ассоциации. А ведь, если подумать, то он просто иначе называется, и всё, но в остальном, в сущности, ничем не отличается от ноября. Получается, что когда-то очень давно декабрь стал декабрём, получил это гордое имя, и теперь никакие климатические сдвиги и глобальное потепление ему не страшны: грязь, слякоть и серость будут и дальше ассоциироваться исключительно с ноябрём. Вот так и я, раз уж мне удалось противопоставить себя ныне живущим писателям, максимально от них отдалиться, могу сейчас делать и говорить, что хочу, абсолютно не напрягаясь. Всё банальное, пошлое и ничтожное всё равно в результате прилипнет к ним, а мой облик останется чистым и незамутнённым, как у декабря. Этот факт меня очень сильно утешает, на самом деле.

Новое болгарское кино. Звучит так, будто у болгар было какое-то старое... Жизнь вообще в последнее время всё больше напоминает мне

карточную игру, где тебе постоянно пытаются что-нибудь такое да подкинуть, какой-нибудь незаметно припрятанный в рукаве козырь. Причём в самых, казалось бы, безобидных и незначительных ситуациях. Люди словно чувствуют, что ты совсем не обращаешь на них внимания, и, уловив момент, этим пользуются. Стоит тебе окончательно расслабиться и отвлечься, как та же Болгария вдруг предстаёт в качестве великой кинематографической державы, хотя у них не то что в кино, но во всём искусстве ничего заслуживающего внимания никогда не было. Кроме разве что Паскина, может быть. Да и тот, по-моему, только родился в Болгарии, а большую часть жизни провёл за её пределами.

Меньше всего на свете меня интересует мнение специалистов. Причём не только теоретиков литературы, кинокритиков или психологов, но и астрономов, например. Я бы даже поставила выводы последних о том, что звёзды представляют собой бесформенные скопления плазмы, на первое место. По степени безразличия к красоте, я хочу сказать. В этом плане они переплюнули даже искусствоведов, которые обычно игнорируют гениев, но искренне восторгаются профессионализмом, школой, отточенной техникой рисунка и трудолюбием посредственностей, совершенно не замечая уродства их картин.

Вода, камни, холод, пламя, стол, страдание, дерево, блеск, крут, дуновение, горечь, свет, горы, море, темнота, аметист, стена, табурет и т. д., — эти слова я бы отнесла к разряду вечных. А бывают такие, что чисто внешне на них очень похоже, хотя в действительности таковыми не являются. Как тот же бог, в частности, или же духовность. Они чем-то напоминают мне изделия из искусственной кожи, которые торговцы на блошином рынке выдают за натуральные, чтобы подороже всучить доверчивым лохам. Ну, а некоторые новообразования и вовсе представляют собой что-то типа одноразовых пластиковых стаканчиков, валяющихся возле помойного бачка. С ними обычно особых проблем не возникает, так как ни один наделённый более-менее здоровыми инстинктами человек никогда не станет ими пользоваться. Когда я слышу слово «хайп», допустим, у меня вообще начинает чесаться левое плечо. Похоже, у меня на него аллергия.

Десятки дебилов навешивали повсюду десятки названий лучшего за прошедший год. И теперь я каждый день смотрю дебилские фильмы. Есть чем заняться, по крайней мере.

Долго думала в своё время о том, чем отличаются бельгийцы от французов. Всё-таки из-за общего языка их довольно часто путают. И кажется, наконец поняла: бельгийцы любят пиво, а французы известны своими

достижениями в виноделии. Вот самое существенное, по-моему! Причём нельзя сказать, что тот или иной напиток в силу своих каких-то специфических свойств оказывает влияние на мозг жителей целой страны, формируя их характер и т. п. Нет! Различие в данном случае носит чисто эстетический характер и никак не связано с физиологией. Просто Блока или же Анненского, допустим, нельзя представить с пивной кружкой в руках, а советские поэты смотрятся с ней абсолютно естественно. Вот так и бельгийцы не похожи на французов. Однако пиво тут ни при чём. Именно не слишком притязательные личности, отдавая предпочтение определённому продукту, создают ему реноме предназначенного главным образом для туповатых простачков, а не наоборот.

Среди любителей литературы, кстати, тоже широко распространено заблуждение, будто книги помогают воспитанию детей или даже способствуют изменению человеческого сознания. Горький, в частности, в своё время говорил, что всем лучшим в себе он обязан книгам. Тогда как, на мой взгляд, книги точно так же находятся в полной зависимости от тех, кто их читает, а значение того, о чём и как они написаны, выражаясь математическим языком, стремится к нулю. И если бы можно было хотя бы на мгновение вообразить меня, к примеру, сидящей с томиком Солженицына в руках, то он, нисколько не сомневаясь, стал бы Гюисмансом, неизбежно обрёл бы похожую репутацию...

Физики доказали существование души после смерти тела. В прошлом году, помню, тоже было несколько сопоставимых по масштабу открытий, вплоть до обнаружения местонахождения бога, а Нобелевскую премию, как обычно, получили дауны, занимавшиеся исследованием каких-то жалких полупроводников.

В этом плане у точных наук, я смотрю, много общего с искусством, где также раз за разом торжествуют пронырливые посредственности, а важнейшие для человечества прозрения остаются практически незамеченными.

Голландии больше не существует, её окончательно переименовали в Нидерланды. И голландцев тоже, что ли, отныне нужно называть нидерландцами?.. Но ведь тогда их постоянно будут путать с неандертальцами. Человеческое восприятие так устроено, что крайне плохо различает близкие по звучанию слова. Вряд ли подобные ассоциации положительно скажутся на имидже этой страны. Никому же не хочется очутиться в первобытном обществе, где тебя могут зажарить на костре. Реальной опасности, конечно, нет, но всё равно — увидел нидерландца или полистал рекламный проспект в турагентстве, и потом тебя всю ночь мучают кошмары. Что тут хорошего? Даже не знаю, о чём люди думали.

Стоит только разгадать какой-нибудь фокус, и ты утрачиваешь к нему интерес. Этим религии, в которых больше нет никаких тайн, и отличаются от искусства. Все примерно в курсе, как снимают фильмы или расставляют на сцене декорации, но всё равно продолжают ходить в кино и театр.

Прогулки по городу, которые я в последнее время постоянно совершаю, немного удручают. Куда ни помотришь, это — модерн, там — классицизм, чуть дальше — эклектика, а между ними затесалось здание 30-х годов или же, ещё хуже, брежневских времён, возведённое, видимо, на месте разрушенного при бомбёжке... Уточнить имя архитектора — это последнее, что приходит в голову. И получается, что красота и уродство, которые меня всегда так волновали, фактически не зависят от воли конкретного индивида, а всё определяется чисто случайным фактом рождения в том или ином времени. И если тебе довелось жить в окружении кривляющихся придурков, то печать их поведения ляжет на тебя наподобие архитектурного стиля, как бы ты ни старалась от них отличаться и какие бы жертвы ради этого ни приносила. Углубляться в то, чьё имя стоит на книге, не исключено, тоже никто не будет.

Создавая нечто прекрасное, человек как бы облачается в незримые доспехи и становится неуязвимым для недоброжелателей, поскольку лучи их ненависти оказываются направлены уже не на него, а против красоты... И такой образ вовсе не кажется мне пустой метафорой. Ведь я привыкла ощущать себя маргиналкой, а это и значит постоянно находиться на границе (*ad marginem*) с абсолютно враждебным тебе миром.

Совершенно невозможно привыкнуть к навязчивому голосу за кадром, который порой разъясняет не только факты биографии героев, но ещё и буквально все их помыслы и поступки. Хотя, казалось бы, достаточно просто чуть дольше показать телефон, например, задержать на нём на пару секунд камеру, и ты понимаешь, что человек хочет позвонить. Зрители же не идиоты! Зачем об этом ещё и постоянно долдонить, по сути, дублируя действие и делая сам акт просмотра фильма бессмысленным? И самое удивительное, что в вузах будущим режиссёрам, похоже, вообще никто не говорит о недопустимости подобного приёма. Мало того, фильмы, где он активно используется, спокойно удостоиваются престижных наград и похвал критиков. Что, на мой взгляд, наглядно свидетельствует ещё и о состоянии практически полной духовной расслабленности, в котором пребывает сейчас человечество.

Нет, кино, конечно, это не религия, но определённая параллель в данном случае всё равно напрашивается. Поскольку речь здесь идёт о демонстрации

откровенного неверия, иначе не скажешь, в возможности кинематографического языка и, в конечном счёте, о своего рода предательстве, измене этому виду искусства ради литературы. За куда менее очевидные проступки в Средние века еретики отправлялись на костёр.

Известная поговорка «встречают по одежке, а провожают по уму» является ещё одной яркой иллюстрацией того, насколько в этом мире сложно оставаться верной красоте. Недаром же считается, что в подобных высказываниях отражается накопленный веками человеческий опыт и так называемая народная мудрость. Люди, действительно, так и норовят сбить тебя с толку, вовлечь в какие-то разговоры, дискуссии, пытаются всячески услужить, помочь, сочувствуют в сложных ситуациях, даже бабки дают. И всё ради того, чтобы отвлечь от своего уродства и продемонстрировать, какие они на самом деле начитанные, добрые, чуткие, внимательные, вежливые и умные.

«Ты разобьёшь много сердец, и вот тогда наступает... конец». Самая запоминающаяся строчка из песни, музыку которой, как говорят, сочинил новый российский премьер.

Триллеры я обычно скачиваю, даже не глядя на рейтинг, комедии меня вообще не интересуют. В полном соответствии с классической иерархией жанров, кстати, где трагедии стоят гораздо выше юмористических произведений. Но мне и в голову не приходило ставить себе это в заслугу. Тогда как большинство деятелей культуры сегодня постоянно трывндят о традициях и духовности, а сами любят Гришковца.

В своё время я несколько раз пыталась продать золотые украшения, и их неизменно оценивали как лом. В смысле, по рыночной цене драгметалла за грамм. Какую эстетическую ценность они из себя представляют, никого не интересовало, хотя некоторые из них и были достаточно изящными и редкими. А вот если бы я в те же самые антикварные салоны принесла тогда деревянную или же глиняную статуэтку, например, то всё внимание оценщиков наверняка было бы направлено исключительно на их внешний вид, а не на материал. Неважно, сколько бы мне удалось в результате получить за них бабок, но, по крайней мере, у меня бы поинтересовались, кто их автор, когда они сделаны и т. п.

Вот поэтому, думаю, выросший в приюте беспризорник Жан Жене и говорил, что, будь он сыном Ротшильда, ему было бы гораздо труднее добиться признания у публики. Тот же Сартр, допустим, посвящает

ему свой том объёмом в 600 страниц. Но кто стал бы его читать? Боюсь, его сочинение постигла бы участь моих золотых украшений.

Часто человек несёт откровенную ахинею, кажется, что он явно не в себе, а потом вдруг раз — и переводит разговор на дождь за окном, как бы желая продемонстрировать, что он вовсе не утратил связь с реальностью, и все его остальные рассуждения тоже абсолютно нормальные, а это у тебя самой в голове что-то сместилось, раз ты не воспринимаешь аргументов столь заземлённого и наблюдательного индивида. Поэтому, думаю, и после выпуска новостей в советские времена, где зрителей информировали о гипертрофированных ужасах капитализма и эфемерных достижениях отечественной промышленности, также неизменно следовал сопровождавшийся неторопливой умиротворённой музыкой прогноз погоды. В посвящённом, как теперь стало окончательно ясно, совершенно ненужной и бессмысленной коллективизации романе Шолохова «Поднятая целина» опять-таки практически все главы начинаются с описаний восходящего над окрестными дугами и полями солнца и колосющейся в его лучах пшеницы. Мало того, даже герой пьесы Чехова в один из её ключевых моментов, когда он максимально приближается к осознанию абсурдности своего существования, почувствовав ускользающую из-под ног почву, так сказать, и как бы желая ухватиться за какую-нибудь твёрдую опору, подходит к висящей на стене карте и неожиданно восклицает: «А в этой самой Африке теперь жарища»...

А бывает, наоборот, некто рассуждает вполне здраво, более-менее адекватно оценивает происходящие вокруг события, но в заключение, в качестве итога, ссылается на бога, который якобы сидит на небесах, откуда всё видит. И тогда ты невольно начинаешь сомневаться, а не является ли этот тип на самом деле опасным сумасшедшим.

С этой точки зрения истинной антитезой религии, коммунизму и другим отвлечённым идеям, мне кажется, является вовсе не материя или же природа, а именно погода. Можно найти множество примеров, подтверждающих подобный расклад в важнейших сферах человеческой деятельности. Если, конечно, подойти к исследованию данного вопроса основательно и опираться на конкретные наблюдения за людьми, как поступают в некоторых странах, например, когда дожидаются, чтобы прохожие протоптали дорожки в траве, и только потом их асфальтируют. А не так, как это делал Гегель. Будь я философом, я бы, вероятно, своё фундаментальное сочинение, посвящённое этой проблематике, даже так и назвала: «Бог и погода».

Слово «правда» одно из самых грубых и уродских в русском языке. Когда его слышишь, на ум приходит разве что чёрствая корка заплесневелого хлеба и клочок газеты в общественном туалете. А больше лично у меня оно ни с чем не ассоциируется. Бывает, что слова полностью отрываются от своего изначального значения и превращаются даже не в свою противоположность, а вообще непонятно во что. Вот это именно такой случай, по-моему.

Хотя определённый смысл в этом слове всё же имеется. Как правило, я заметила, его используют не особенно образованные, но достаточно ушлые личности, чтобы вызвать у своих оппонентов максимально неприятные ощущения и тем самым сбить их с толку, отвлечь от каких-то неудобных для себя фактов и событий. Неслучайно же оно даже произносится обычно акцентировано громко и с напором напоподобие того, как рычат и гавкают сторожевые собаки, например, или же квакают жабы на болоте.

«Керуак записал весь свой роман “В дороге” всего за три недели в виде обширного сеанса спонтанной прозы. Рукопись романа представляет собой один сплошной свиток длиной 36 м: заканчивая машинописную страницу, автор приклеивал её скотчем к предыдущей»... Примерно так же и я писала когда-то «Голубую кровь»: целыми днями, практически без остановки, печатала на машинке и склеивала страницы, правда не скотчем, а клеем. Получилась довольно длинная лента, которую я после ещё резала ножницами, чтобы поменять местами отдельные фрагменты и выбросить лишнее, прибегнув к своего рода монтажу. Не помню уже точно, сколько времени на это ушло, но тоже не больше месяца, по-моему. На конец мая 1990-го у меня был куплен билет в Париж, и я точно уложилась к этому сроку.

Прочитала тут, кстати, недавно ещё про Керуака, что он верил в существование стовора еврейских издателей... А вот Хармс, например, день смерти которого отмечали буквально вчера, вряд ли считал себя жертвой чьих-либо козней, хотя его, в отличие от того же Керуака, практически вообще не печатали. Я себе, во всяком случае, не представляю, чтобы его удивляло или, тем более, как-то задевало отсутствие своего имени в списке претендентов на Сталинскую премию, допустим. Просто он, мне кажется, должен был ощущать себя не совсем писателем, а, скорее, кем-то вроде демиурга, который не столько описывает, сколько сам творит реальность. И поэтому ему, в сущности, было некого обвинять, кроме себя, если что-то в его жизни вдруг шло не так. В этом отношении мне гораздо ближе и понятнее Хармс, конечно, а не Керуак.

У меня часто интересуются, почему моей книги «Холод и отчуждение» нет среди номинированных на премию Национальный бестселлер или же хотя бы Большую книгу. Всё-таки размеры у неё довольно внушительные. Однако, на мой взгляд, было бы куда более удивительно обнаружить там произведение с таким названием. Что произойдёт со льдом, например, если его поместить в тёплую комнату? От него ничего не останется. А точнее, он полностью трансформируется в некую жидкую субстанцию, после чего испарится. Вот и эта книга должна быть окружена злобой, ненавистью, в лучшем случае, равнодушием и непониманием, а чрезмерное внимание, восторги, восхищение и прочие тёплые чувства ей противопоказаны. Предположим, критики её хвалят, награждают премиями, режиссёры экранизируют и делают по ней инсценировки, читатели осыпают меня комплиментами, аплодируют мне, радостно улыбаются, прохожие на улице бегут за мной и просят дать автограф, даже моя мама мне звонит, чтобы меня поздравить... Всё это замечательно, безусловно, но о каком холоде и отчуждении в таком случае я пишу? Это же не «Петровы в гриппе» какие-нибудь. В литературоведении, если не ошибаюсь, подобный феномен называется единством формы и содержания.

Приоткрыла на мгновение штору. Небо за окном ясное, воздух прозрачный, снег на тротуарах прямо сияет в солнечных лучах, на градуснике «-10»... Наверняка куча дебилов идут сейчас по улице и декламируют про себя: «Мороз и солнце, день чудесный!». Противно смотреть!

Сегодня ночью в Париже умер Пьер Гийота. Посмотрела сейчас французские некрологи. Пьера Гийота называют последним классиком, легендарным автором чуть ли не самых значительных французских романов 20-го века, кудесником французского языка, перечисляются премии, которыми он был награждён, вспоминается Алжирская война, пребывание в тюрьме, цензурные запреты, которым подвергались его книги, и другие моменты его биографии.

Мы были знакомы почти 25 лет. В издательстве Kolonna вышло четыре романа Пьера Гийота в моём переводе. Я несколько раз у него останавливалась, весной прошлого года мы гуляли с ним по Парижу и, как обычно, прошли огромное расстояние. Пьер шёл с палкой, так как незадолго до того перенёс операцию после тяжелейшей травмы колена, однако упорно отказывался опереться на мою руку...

Но лучше всего я почему-то запомнила даже не самую первую нашу встречу, а момент, когда я впервые услышала его имя. Произошло это на встрече с делегацией французских писателей в Петербургском университете, когда

из зала кто-то поинтересовался, а как во Франции относятся к книгам Пьера Гийота. И, в частности, к роману «Эдем, Эдем, Эдем», который был некогда запрещён французской цензурой и т. п. После чего всех сидевших на сцене гостей вдруг откровенно перекосило, царившая до этого момента благодушная атмосфера мгновенно испарилась, все стали ёрзать на стульях и переглядываться, установилась неловкая пауза, затем один из писателей даже сделал было пренебрежительный жест рукой и начал говорить что-то типа «ну, это совсем неинтересно, давайте лучше продолжим нашу беседу»... Однако тут со своего места вскочила авторша активно переводившихся в то время на русский эротических романов, Режи́н Дефорж, и произнесла крайне сбивчивую, но чрезвычайно экспрессивную и эмоциональную речь. И хотя никто из присутствовавших ещё вроде не успел ничего толком сказать, начала она со слов, что категорически не согласна с мнением своих коллег, и пусть Пьер Гийота совсем не похож на других, но то, что он делает, всё равно чрезвычайно важно и нужно людям, поскольку его творчество — это «как будто стоишь в окружении равнодушной толпы и тебя вдруг кто-то трогает за локоть». Вот этот немного косноязычно сформулированный, но неожиданный образ, как и абсолютно не характерные для подобного рода мероприятий заминка и реакция вполне солидных на вид писателей — а возглавлял эту делегацию президент Гонкурдовской Академии Франсуа Нури́сье — произвели на меня тогда настолько сильное впечатление, что уже в следующий свой визит в Париж я приложила максимум усилий, чтобы встретиться с этим совершенно не похожим на других французских писателей автором, в чём я смогла наглядно убедиться ещё до знакомства с его книгами. И так получилось, что и к моему локтю во время наших многочисленных прогулок по Парижу он тоже иногда прикасался.

Лягушки прекрасно чувствуют себя в болоте. Жители Северной Кореи в восторге от своего вождя. И это понятно: иначе и тем и другим бы было гораздо труднее выносить условия своего существования. А будь искусствоведы, литературные рецензенты и кинокритики более взыскательными, их жизнь не то чтобы превратилась в ад, но определённо лишилась бы множества приятных моментов, связанных с чтением книг и просмотром фильмов и картин, которыми они постоянно вынуждены заниматься по долгу службы. Не говоря уже об участии в презентациях, вернисажах, фестивалях и фуршетах.

Жизнь поэта — это тоже своего рода стихи, которые складываются из различных названий, имён, событий и фактов, каждое из которых пробуждает

в моём мозгу вполне определённые ассоциации ничуть не меньше, чем поэтические рифмы и образы. Город, где человек жил, вуз, который закончил, учреждения, где работал, журналы и издательства, в которых печатался, премии, фонды, стипендии, фестивали, конкурсы, семинары, кружки, объединения, творческие союзы... Вот почему, когда я слышу сегодня слово «поэт», особенно если речь идёт о ком-то, чьё имя раньше мне никогда не встречалось, у меня неизменно возникает инстинктивное желание закрыть глаза, отвернуться и побыстрее выкинуть его из головы. Как бывает, когда ты случайно натыкаешься на внезапно возникшую перед тобой приоткрытую в тёмный чулан дверь, например, от который точно так же сразу хочется отойти как можно дальше. Поскольку пробудившееся было в твоём сознании любопытство тут же сменяется уверенностью, что за ней тебя почти наверняка ждёт всего лишь куча покрывного толстым слоем серой пыли хлама.

Шекспир считал, что актёры — это не люди. Вот и писатель — тоже не совсем человек, а, скорее, что-то вроде набора слов на сложенных в стопку листах бумаги. Такому невозможно сочувствовать, даже его уход из этого мира кажется абсолютно несерьёзным и не стоящим особых переживаний, ещё бы, ведь бумага и слова никуда не делись. Единственные чувства, какие писатель способен пробуждать в душе окружающих, — это восторг или же отвращение. Можно смело идти на кладбище, допустим, и плюнуть на его могилу. В подобном акте не будет ничего кощунственного, все писатели в той или иной мере это заслужили. Сторожу или же полицейским, конечно, такой поступок может не понравиться, но только потому, что они обычно совершенно не разбираются в литературе.

Другое дело, что вокруг сегодня развелось слишком много людей, которые совсем не читают книг. Из-за этих малообразованных, некультурных личностей, буквально заполонивших за последние годы Петербург, я и вынуждена постоянно сдерживать себя, когда прохожу, к примеру, мимо памятника Пушкину на площади Искусств. К тому же и место для него скульптор выбрал крайне неудачное: прямо напротив входа в Русский музей, куда дни напролёт практически сплошным потоком устремляются целые толпы приехавших главным образом из глухих деревень туристов.

Вспоминая прошлое, человек вполне способен переживать приятные моменты, снова и снова восстанавливая в памяти компоненты какого-нибудь кулинарного блюда, допустим, и считать, что его жизнь удалась, просто потому что он хорошо питался, абсолютно не обращая внимания на эстетическое убожество своего существования. А кто-то, наоборот, ставит себе

в заслугу служение красоте, в жертву которой было принесено собственное благополучие. И то, и другое, в принципе способно приносить людям удовлетворение. Однако, если речь идёт о прошлом, то в этом случае, на мой взгляд, предпочтительнее всё же красота, а не еда, поскольку тут ты имеешь дело с переживанием, мало отличающимся от просмотра фильма или же чтения книги, и оценить совершенство своего бытия по прошествии некоторого времени можно даже глубже и полнее, чем тогда, когда ты непосредственно участвуешь в тех или иных событиях, ну, а книга и фильм, соответственно, если продолжить эту аналогию, находятся в процессе создания. Тогда как вкус макарон, напитков, мороженого и конфет, как ни старайся, но при помощи одних воспоминаний полностью воссоздать уже никому не удастся.

Что касается настоящего, когда лежащую у тебя перед носом булочку, например, в любую секунду можно взять и съесть, то здесь большее удовлетворение однозначно получает тот, кто отдаёт предпочтение еде, а не бесплотной и вечно ускользающей красоте. Именно поэтому, мне кажется, взор эстета всегда как бы немного обращён в прошлое. Что не только позволяет ему наслаждаться созерцанием красоты собственных свершений, но и помогает легче переносить преследующие его в данный момент невзгоды, включая недоедание и т. п. А также укрепляет его веру, что через какое-то время он снова сможет обратиться к происходящему с ним сегодня и почувствовать удовлетворение, сопоставимое с тем, что переживают сейчас личности, сосредоточенные исключительно на жратве.

Пишут, что Пьера Гийота похоронят сегодня на кладбище Пер-Лашез. Недалеко от его дома, где он всегда любил гулять. Там покоятся Уайльд, Пруст, Абеляр и Элоиза, Моника Виттиг, Шопен, Айседора Дункан, Гийом Аполлинер, Бальзак, Мольер, Гертруда Стайн, Нестор Махно, Эдит Пиаф, ну и, конечно же, Джим Моррисон, принёсший этому кладбищу воистину всемирную известность.

Не только религия должна быть отделена от государства, но и вообще всё. Включая банки, — почему бы и нет? Но не так, как сегодня, а по-настоящему. Ограбил один, тут же отнёс бабки в находящийся по соседству, и никого это не касается. Пусть полиция разыскивает преступника, а задача банка — надёжно хранить деньги. Вот как должно быть всё устроено! Так будет гораздо интересней, я считаю. Следователям и прокурорам в том числе, поскольку от них тоже потребуются больше изобретательности и способностей, чтобы поймать грабителей.